

Диктатура как социально-политический феномен Востока XX века: социально-философский анализ

Чикиндин М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Политика – искусство, в рамках которого политические акторы чувствуют себя творцами.

Цель статьи – анализ феномена диктатуры на Востоке XX века, ее влияние на восприятие образа того или иного лидера среди местного населения.

Материал и методы. Материалом исследования являются исторические данные, фиксирующие процесс становления диктаторских режимов на территории стран Востока. Основными методами выступают анализ, синтез, интерпретация, сравнение, типологизация.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются феномен диктатуры, ее социально-политическая и ментально-этическая обусловленность в рамках исторического процесса развития стран Востока. Обсуждается феномен ситуативной обоснованности возникновения диктатуры, проанализированы социальные и этические факторы нахождения такого типа лидера у власти на протяжении длительного времени.

Заключение. Появление диктатуры имеет ситуативную обусловленность, наличие необходимых ментальных характеристик у народных масс, образованных на основе религии и исторического прошлого данного региона, сопровождаемую появлением харизматичных лидеров в странах Востока. Социум приносится в жертву властителю и именно в ней обретает самого себя, персонализируя себя с конкретным политическим лидером, которому необходимо иметь сверхширокие полномочия для претворения всего этого в жизненную реальность. Лидер воспринимается как сверхчеловек, люди верят его высказываниям, безоговорочно выполняют его директивы, выказывают неизъяснимую эмоциональную преданность.

Ключевые слова: диктатура, политика, религия, власть, харизма, Восток.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 107–112)

Dictatorship as a Social and Political Phenomenon of the 20th Century East: Social and Philosophical Analysis

Chikindin M.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Politics is an art in which political actors feel like creators. In the article we analyze the phenomenon of dictatorship in the 20th century East, its influence on the perception of the image of a particular leader among the local population.

Materials and methods. The material of the study is historical data that fixes the process of the maturation of dictatorial regimes on the territory of the countries of the East. The main methods are analysis, synthesis, interpretation, comparison, typology.

Findings and their discussion. The article deals with the phenomenon of dictatorship, its social and political as well as mental and ethical conditionality within the framework of the historical process of development of the countries in the East. The phenomenon of situational validity of the emergence of the dictatorship is discussed; social and ethical factors of this type of long-time leader in power for are analyzed.

Conclusion. The emergence of a dictatorship is situational, the presence of the necessary mental characteristics of the masses, formed on the basis of religion and the historical past of the region, is accompanied by the emergence of charismatic leaders in the countries of the East. The society is sacrificed to the ruler and finds itself in this sacrifice, personifying itself with this political leader who needs broad powers to implement all this into reality. The leader is perceived as a superhuman, people blindly believe his statements, unconditionally fulfill his directives, show emotional devotion and support.

Key words: dictatorship, politics, religion, power, charisma, the East.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 107–112)

Политическая власть представляет собой зеркало общества, которым она руководит. При чем зеркало не обычное, а смогшее сконцентрировать в центре энергетику социума и представив ее в виде одного человека, являющегося лидером. Власть выражает волю властвующего субъекта с воздействием на волю подчиняющегося объекта. Еще М. Вебер утверждал, что следует различать власть и господство. Он изучал проявление того или иного типа легитимного господства и взаимодействия в рамках социума. Вот как он это описывает: «Господством называется возможность встречать повиновение определенных групп людей специфическим (или всем) приказам... Каждое господство старается возбудить веру в свою “легитимность” и позаботиться о ней. В зависимости от вида легитимности различается и тип повиновения, тип обеспечивающего его штаба управления, характер осуществления господства, его эффективность. Следовательно, виды господства целесообразно различать по типичной для них претензии на легитимность» [1, с. 10]. Власть – это способность навязывать свою волю по отношению к другим людям, заставлять их что-то делать, вопреки их желанию и сопротивлению, в то время, как господство, более характерное для диктатуры, имеет шанс встретить повиновение у граждан. Если обратиться к трактовке Ф. Ницше, который исследовал властные отношения под ракурсом философско-психологического феномена, власть – это исключительно проекция природы властвующего, которая не нуждается в подвластном. Именно подвластный нуждается в управляющем, который дает волю в качестве способности бытия. Власть – самолюбование, нарциссизм, все – зеркала изменчивости и все-силы власти [2]. Цель данной публикации – выявить наиболее яркие черты диктаторских режимов XX века азиатского региона с анализом причин их возникновения, влиянием ситуационного фактора на формирование образа диктатора в глазах народа, а также обусловленности его восприятия.

Материал и методы. Материалом исследования являются исторические данные, фиксирующие процесс возникновения и развития диктаторских режимов на территории стран Востока. Основными методами выступают анализ, синтез, интерпретация, сравнение, типологизация.

Результаты и их обсуждение. Диктатура – форма правления, известная еще со времен Античности. Диктатура подразумевала изначально неограниченные полномочия, которые получал правитель в Римской Республике для исполнения особых поручений по устранению определенных чрезвычайных положений. Она имела временный характер, а после окончания срока либо после исполнения поручения Сената диктатор слагал с себя полномочия. Впоследствии под диктатурой стали понимать форму осуществления государственной власти, при которой вся полнота власти принадлежит одной политической позиции, олицетворяющейся одним человеком либо правящей груп-

пой лиц. В Средневековье диктатура устанавливалась в городах-комуннах и торговых республиках в результате нежелания нанятых на время войны кондотьеров терять власть, которые, опираясь на наемные войска, становились диктаторами. В период Нового времени диктатура тесно связана с политической борьбой буржуазии и аристократии, результатом которой явились буржуазные революции, наиболее известными из которых стали в Англии и Франции. И хотя их и разделило почти полтора столетия, но они имели схожие следствия, когда первоначальное свободное народное движение закончилось диктатурой, которая исполнялась здесь не отдельными людьми, а определенными группами и не по поручению, а из собственной полноты власти, опираясь на религиозные мотивы или право народного суверенитета. Также здесь диктатура рассматривалась как временное мероприятие для подготовки нового поколения и искоренения старого, испорченного поколения, тем не менее она закончилась единовластием О. Кромвеля или Наполеона. Диктатура – это также регулярно тоталитарное государство, напротив, в современности она только редко бывает абсолютистским государством; скорее преобладает конституционная диктатура. Согласно концепции К. Шмитта, выделяется «суверенная» и «уполномоченная» диктатура [3]. Суверенная диктатура стремится свергнуть существующую систему власти с заменой ее на новую, более соответствующую «идеологической истине». Уполномоченная диктатура стремится сохранить основу существующего конституционного строя (или создать видимость этого), имея основную цель – противостоять кризису и восстановить нормальные условия существования. В этом случае во главу угла ставится суверенная власть, обладающая неограниченными полномочиями и объявляющая стремление к максимальному благу. Впоследствии уполномоченная диктатура может переходить в суверенную. Диктатура имеет схожие онтологические корни с такими формами, как тирания и деспотия. Среди схожих признаков можно выделить: тоталитарный или авторитарный характер осуществления властных полномочий, идеократию, монополизацию общественного мнения и социально-политической системы. Но есть и существенные различия: деспотия предполагает восточный жесткий вариант осуществления властных полномочий, тирания – узурпацию властных полномочий и ситуацию, когда воля тирана ставится выше существующих законов. Но, как правило, термины «тирания» и «деспотия» применяются к монархической форме правления, в то время как диктатура – это порождение республиканского строя, при котором власть осуществляется прямым директивным путем, сопровождается радикальными или репрессивными мерами, не сдерживается какими-либо общественными или политическими институтами либо влияние последних на политику сведено к минимуму.

Несмотря на разницу между временем, локацией возникновения, эволюции и существования диктаторских режимов, мы можем сказать, что большинство

будущих диктаторов приходили в переломный для своего государства момент. Стабильное и неспешное течение внутри- и внешнеполитической жизни практически крайне редко приводило к необходимости возникновения диктатуры. Они брали власть в обществе, наполненном реваншистскими или анархическими настроениями. Реваншистские настроения позволяли с помощью лозунгов возбудить эмоциональную составляющую сограждан и направить их энергию на повышение общественной поддержки и уровня обожествления нового лидера. Анархические настроения, напротив, вызывали страх в обществе и желание иметь «сильную руку» у власти, которая «железным кулаком» наведет порядок в стране. При этом в XX веке практически никто не приходил к власти с лозунгом «Установить диктатуру в стране», но, получая эту власть и постепенно увеличивая ее объемы в своих руках, амбиции росли, а страх потерять эту власть становился все больше. Внутреннее желание тотального контроля всего и вся, вытекающее из потребности власти в человеке, вера в собственную непогрешимость и приводило к возникновению диктатуры. Если мы рассматриваем лидера как фокус групповых интересов и централизацию усилий в одной личности как выражение власти всех, то диктатор может восприниматься как олицетворение темной стороны, которая есть в любом человеке и обществе. Таким образом, по мысли И.А. Ильина, «процесс олицетворения (персонификации) состоит в том, что нечто неличное (в данном случае – государственная власть), или сверхличное (родина-отечество), или многоличное (народ, объединенный в государство) – переживается как личное существо» [4, с. 457].

Для античного Востока был свойственен принцип «неперсонифицированного» правления, используемый еще китайскими императорами, так как считалось, что власть императора настолько велика и всеобъемлюща, что он может управлять, практически не появляясь на публике. Очень часто даже ближайшее окружение императора не знало, в каком из своих многочисленных дворцов он находится в данный момент. Этот принцип будет опираться на конфуцианское и даосское учение, где Конфуций и Лао-Цзы сходились во мнении, что Сын Неба, выступающий образцом для подданных, может проявляться только в свое отсутствие, а пока он жив и правит, воля должна идти с Небес и правление сочетаться с принципом «У-Вэй», подчиняясь естественному ходу вещей, исключая целерациональное поведение. Образ отсутствующего правителя очень точно соответствовал древнекитайскому мировосприятию, которому была слабо свойственна публичность. Тем не менее этот принцип не особо характерен для диктаторов XX века, которые, наоборот, стремились к персонификации деятельностного образа правителя с последующим слиянием или подменой в нем воли всего народонаселения в целом с обязательной актуализацией в своем ореоле власти.

Большое значение имеет образ внутреннего или внешнего врага, который диктатор использует в своих

интересах. В XX веке у азиатских лидеров это были антиамериканские и антикапиталистические настроения населения, а внутренним врагом выступала сама система государства, сложившаяся на тот момент на территории страны. Большинство диктаторов изначально выступали с идеалистическими тенденциями с точки зрения социального типа личности, стремясь разрушить имеющуюся систему, создав на ее основе что-то новое, что будет ассоциироваться исключительно с ними и закрепив это созидание с помощью своей власти. Диктатор Камбоджи П. Пот выступал как проповедник строительства кхмерского, буддийского, королевского социализма. Данное направление он называл Сангкум (Народно-социалистическое общество), выстраиваемое на основе применения буддизма в аспекте его борьбы против социальных бед, несправедливости, неравенства. Превозносился дух братства и взаимопомощи, сопровождаемый жертвенностью и совершенствованию личности во имя коллективного начала. Наибольшего отклика эти идеи добились в среде крестьянства, где отношение к правителю на протяжении длительного промежутка времени выстраивалось по принципу долженствования ограничения вседозволенности богачей и поддержки простых людей. Консервативный характер мировоззрения данного региона обуславливал восприятие мироздания как навсегда данного с установкой привычного распределения имеющихся ресурсов для обеспечения жизнедеятельности. П. Пот смог воспользоваться этой стереотипизацией социальных отношений и внедрить ее в свою систему. Взаимодействие с крестьянством осуществлялось с помощью упрощенных, но выразительных лозунгов с расчетом на мобилизацию максимального уровня поддержки среди данного наиболее многочисленного и обездоленного слоя населения. П. Пот говорил сам: «С точки зрения неревolutionного мировоззрения жизнь дается, чтобы иметь дом, достояние, делать карьеру, вкусно есть и веселиться. С точки же зрения революционного мировоззрения, жизнь дана для революции. Если не бороться за революционные идеи, то жизнь не имеет смысла» [5, с. 206]. Все эти предпосылки были реорганизованы в идею уравнительного социализма, осуществляемого с помощью революционного насилия, сопровождаемого воспеванием всеобщей бедности (по принципу «чтобы не было богатых») и лозунгом «опоры на собственные силы», что вводило страну в режим изоляции от всего остального мира, ликвидацией денег, иностранной техники строительного, транспортного и бытового предназначения, СМИ и национализацией частной собственности. Официально это объяснялось нежеланием попадать в экономическую кабалу от более развитых стран. Введенная система военнизированного управления гражданским населением Камбоджи с принудительным переселением народа из городов в сельскую местность, создание сельских коммун позволило еще больше наладить процесс контроля над собственным населением в период осуществления диктаторского правления.

Схожими идеями будет обладать и северокорейское направление Чучхе, предложенное Ким Ир Сенном, также основывающееся на мифологической стереотипизации, марксизме и национализме. Династия Кимов – уникальна. Еще никому в новой и новейшей истории не удавалось установить династию в рамках республиканской формы правления. Ким Ир Сен (а впоследствии и его сын смогли это сделать), воспользовавшись идеей «незавершенной революции». Желание передать власть по наследству своему сыну было обусловлено, прежде всего, желанием Ким Ир Сена сохранить прежний курс власти и не разрушить достигнутого. Дни рождения Ким Ир Сена, его сына и внука праздновались в Северной Корее и имели статус национального праздника, с проведением обязательного собрания трудовых коллективов и чествованием наиболее отличившихся работников. Даже после своей смерти Ким Ир Сен продолжал руководить государством – ему был дарован сыном титул «вечного президента». Его образ продолжает олицетворять власть в Северной Корее, любые парады и праздничные шествия сопровождаются плакатами с его изображением, лозунгами в его честь. Северокорейский вариант марксизма смог войти в симбиоз с монархическими традициями корейского общества и на основе этого синтеза возникла современная структура управления, сложившаяся еще 75 лет назад, но практически не изменившаяся до сегодняшнего дня. Ким Ир Сен практически приравнивался к Богу. При том, что сам он отнюдь не являлся набожным человеком, придерживался материалистических взглядов, чем был похож на вождя советского коммунизма В.И. Ленина, которого называли «дедушка» (хотя он умер в 53 года, не имея детей и внуков), был материалистом и атеистом, но, по иронии судьбы, сам стал объектом религиозного культа. Северокорейский народ отличает преданность вождю, готовность идти за ним до конца. Все это закладывается еще в детстве. Лидер является символом самого государства, что выступает ключевым отличием от западного восприятия власти, где лидер государства тоже может быть достаточно харизматичным и его правление может символизировать целую эпоху, но воспринимается он все равно как служащий менеджер, нанятый народом на определенный срок. В восточном восприятии лидер фактически подменяет собой государство. Например, северокорейская газета пишет: «Родина – это великий вождь», лозунг «Ничему на свете не завидовать», размещенный на денежной купюре, призыв «Жить по-нашему!» [6, с. 515] во многом схожи с идеями полпотовского социализма и восприятия окружающей действительности. В большинстве случаев эти позиции были обусловлены этикой конфуцианства и дзэн-буддизма, которые по-прежнему имеют большое влияние в Северной Корее. Золотое правило нравственности, стремление, прежде всего, принести пользу обществу (в северокорейском восприятии – вождю-государству), а потом уже забота об удовлетворении личных потребностей, чувство долга, традиционализм и консерватизм. Синтез дзен-буддизма

с конфуцианством повышает уровень ответственности за порученное дело, дисциплинированность, готовность подчиняться, воспринимать текущее положение дел как данность и отсутствие стремления что-то резко изменить в сочетании с приверженностью к аскетизму. Круговорот жизни Ким Ир Сена, псевдоним которого можно перевести как «стать Солнцем», подобен видимому движению небесного светила, где закаты небесного светила сменяются его восходами, но звезда не гаснет никогда, выступая источником света для всей нации. В Северной Корее учение вождя стало и продолжает оставаться даже после его смерти, по сути своей, принципом жизни целой нации. Придя к власти, ему пришлось несколько видоизменить свою биографию, придав ей аутентичность, мифологизацию и патриотичность. Учение Чучхе, основанное на идеалах марксизма, национализма конфуцианства и самобытности северокорейского народа стало идеологической основой его личной власти. Субъектом общественного движения выступают народные массы; вооруженная нация, обладающая высоким чувством национального революционного достоинства и гордости непобедима в своем государстве-крепости. Чувство беззаветной преданности лидеру, вождизм, милитаризм и изоляционизм долгое время определяют внутреннюю и внешнюю политику КНДР. Эпитеты, которыми одаривала пропаганда своего лидера, указывали на метафоричность и гиперболизацию создаваемого ему имиджу в стране: Великий вождь, Солнце нации, Железный всепобеждающий полководец, Маршал могучей Республики, Залог освобождения человечества. Культ личности, выстраиваемый на теории сверхчеловеческие качества, презентация себя в качестве спасителя нации, завораживая публику, добиваясь обожания и преклонения, обладая ореолом святости, сопровождаемый многочисленными митингами и восхвалениями, иконизацией образа.

В китайском обществе режим правления Красного императора олицетворяет Мао Цзэдун. Вот как его описывал Г. Киссинджер: «Высокий и тучный для китайца, Мао устремлял на посетителя свой взор с улыбкой проницательной и в то же время насмешливой, словно предупреждал его всем своим видом, что бессмысленно пытаться обманывать этого знатока человеческих слабостей и двуличия. Он словно излучал непреодолимую тягу властвовать» [5, с. 241]. Мао Цзэдун выступил колоколом, разбудившим китайский народ. Китайцы традиционно консервативны в своем миропонимании и мировоззрении, обусловленном незыблемостью знаний, догматическим характером социальных истин, наличием конфуцианской этики с ее приверженностью ритуалам, слабым уровнем мобильности населения в то время, сочетавшимся с устойчивым жизненным укладом. И все это определяло слабую предрасположенность китайского общества к переменам. Идея «культурной революции» и «большого скачка», реализовавшиеся с разной долей успеха в курсе «Трех красных знамен» имели под собой базовые элементы перестройки китайского общества.

Культ личности и обожествление Великого кормчего, его влияние на народные массы оказались в определенный период исторического времени сильнее китайского традиционализма. Его портреты были развешены всюду, на него буквально молились, повсеместно в Китае цитировались произведения основоположника китайского коммунизма. Мао считал Азию более прогрессивным регионом, с точки зрения революционных перемен, так как азиаты жили намного хуже западноевропейцев и американцев, что способствовало прогрессу революционной борьбы именно на Востоке, а не на Западе. Это сопровождалось уравнилельным коммунизмом, классовой борьбой, революционная социалистическая сознательность и идеологическая составляющая подменяли объективные экономические законы. Ли Чжисуй в своей книге пишет: «После хрущевской атаки на Сталина китайский вождь стал панически бояться, что его тоже обвинят в навязывании массам культа своей личности. Великому китайскому народу, считал Мао, необходим великий вождь, созерцание которого должно вдохновлять жителей Поднебесной на новые трудовые подвиги. Однако при этом нужно было создать иллюзию, что массы сами вознесли Мао на трон. Тогда его власть над страной стала бы несокрушимой и никто даже заикнуться не посмел бы о каком-то там культе» [5, с. 286]. При этом Вождь должен вести народ верным курсом, и только он знает, что нужно делать. Культ Мао также отождествлялся с культом Солнца, и не случайно на многих плакатах времен Китайской революции Мао изображался на фоне восходящего солнца, метафорически указывающего на пробуждение китайского народа, наступление которого ознаменовало попытку уйти от традиционализма и стагнации. Воля вождя, которой должны следовать все, пропагандой изображалась как фокус желаний и чаяний всего китайского народа. Мао, как опытный управленец, знал, что руководя большим государством и осуществляя диктаторское управление, нужно, прежде всего, опираться на толпу. Следовательно, необходимо руководствоваться чаяниями толпы, ее настроениями, подключать эмоциональную составляющую, вместо рациональной, используя лозунги, призывы, коллективное бессознательное. Вести народ должны чувство, эмоции, импульс, а не разум. Цитаты Мао, сопровождавшие любые виды деятельности, становились коллективными заклинаниями и не подвергались сомнению. Религиозное чувства идолопоклонства переносилось в политическую сферу, становясь светской религией.

Саддам Хуссейн – лидер, который взлетел на волне противостояния суннитов и шиитов в арабском мире. Сам он принадлежал к суннитам, как и большинство населения Ирака, ведущего недружественную политику по отношению к соседнему шиитскому Ирану. Кроме того, Хуссейн стремился объединить под своей властью весь арабский Восток, что выльется впоследствии в войну в Персидском заливе. Само имя Саддам в буквальном переводе означает «наносющий

удар». В своей политической биографии он сравнивал себя с царем Навухадносором и знаменитым полководцем Салладином, имевшего ореол победителя рыцарей-крестоносцев. Что примечательно, Хуссейн и Салладин были родом из одного города, что тоже часто преподносилось иракскими газетами как некое божественное предзнаменование и использовалось в пропагандистских целях. Саддам придерживался позиций, которые свойственны многим диктаторам. Тезисно это может быть выражено следующим образом: «Идеи не существуют сами по себе, они живут в головах людей, потому окончательно устранить их можно только одним способом: физически устраняя носителей этих идей». Саддам Хуссейн понимал, что диктаторов часто свергали из-за переворотов – следовательно, нужно внимательно контролировать элиту и, по необходимости, применять методы террора по отношению к ней. При этом необходимо помнить, что диктатору стоит бояться и толпы. С одной стороны, он заигрывает с ней, черпает в ней необходимую энергию, выступает ребенком толпы, но с другой – толпа любит диктатора до определенного момента, после чего она будет безжалостна к нему и не будет помнить своего долга. Г. Лебон, исследовавший феномен толпы, отмечал: «Масса легко становится палачом, но так же легко она идет и на мученичество»; «Доказательством того, что успех составляет одну из главных основ обаяния, является одновременное исчезновение обаяния с исчезновением успеха. Герой, которого толпа превозносила только накануне, может быть на другой день осмеян ею, если его постигла неудача. Реакция будет тем сильнее, чем больше было обаяние. Толпа смотрит тогда на павшего героя как на равного себе и мстит за то, что поклонялась прежде его превосходству, которого не признает теперь» [7].

Диктаторы часто выступают покровителями искусства, они в нем нуждаются, а часто и сами создают. Наличие харизмы и языковые могущество способствуют установлению связи между правителем и народом. Феномен харизматичной личности очень важен для изучения, хотя бы потому, что такой лидер не оставляет массы равнодушными. Его можно любить или ненавидеть, преклоняться или проклинать, но быть нейтральным невозможно. Появление харизматического лидера, как правило, социально и ситуативно обусловлено. Исторический опыт демонстрирует, что период перестройки политической системы, возникающих кризисов и проявления нестабильности является положительной основой для проявления различных случайных факторов, в том числе и возникновение лидера-харизматика, которого рождает те или иные исторические обстоятельства. Как мы видим, обстоятельства очень схожи с условиями возникновения диктатуры. Политическая харизма – это нормативный атрибут любой социальной системы. По мнению О.В. Данилевской, «политическая харизма служит лишь признаком кризиса традиционных структур, агонии традиционной психологии, она отражает движение части утративших

психологическую стабильность масс и является попыткой примирить непримиримое – объективную потребность в модернизации общества с сохранением и искусственным оживлением традиционных социальных институтов» [8].

Ораторские способности лидера способные завести толпу и повести ее за собой. Стремление к своему обожествлению и признания другими своей непогрешимости было свойственно многим диктаторам. Язык способен играть страхами и мечтами людей. Очень важно было создать необходимый образ у народа, предлагать нужные слова, так как сила слова способна зажечь людей и повести их за собой. Применение тавтологий и повторяющихся конструкций выступали необходимыми элементами тоталитарного мышления. Американский социолог Роберт С. Линд говорил: «Легче поверить лжи, которую слышал сто раз, чем правде, которую никогда еще не слышал». Власть отдельного доминирующего класса (гегемона) сменяется властью масс, идеологически и политически манипулируемых и умело направляемых лидером.

Заключение. Таким образом, проанализировав условия становления диктаторских режимов в Камбодже, Китае, Северной Корее и Ираке мы видим, что реализация их потенциального проявления в Восточном регионе в XX веке имела под собой, прежде всего, ситуативную обусловленность, наличие необходимых ментальных характеристик у народных масс, образованных на фундаменте религии и исторического прошлого данного региона, сопровождаемую появлением харизматичных лидеров, с разной долей успеха реализовавших свои проекты. Приход к власти катализировался неоднозначными обстоятельствами и бедностью крестьянства в данном регионе, которое и стало движущей силой радикальных изменений с последующим установлением диктатуры. Социум приносился в жертву властителю и именно в этой жертвенности обретал самого себя, персонифицируя себя и свои желания, чаяния и надежды с конкретным политическим лидером, которому необходимо иметь сверхширокие полномочия для претворения всего этого в жизненную реальность. Согласно «героическому» подходу в рамках исторических концепций, история – это биография великих людей, обладающих властью над телами народных масс, над их душами и над их духом, а потому и несущих громадную, сверхчеловеческую, героическую ответственность. Появление «Героев» влечет за собой наступление новой эпохи, часто сопровождаемой установлением жестких режимов, ввиду необходимости аккумулировать энергию народных масс в лидере. В исторической проекции это реализовывалось в форме диктатуры, тирании, деспотии. Данные формы проявления власти имеют схожие онтологические корни. Общим у них является: тоталитарный или авторитарный характер осуществления властных полномочий, идеократия, монополизация общественного мнения и социально-политической системы. Но есть и существенные различия: деспотия

предполагает восточный жесткий вариант осуществления властных полномочий, тирания – узурпацию властных полномочий и ситуацию, когда воля тирана ставится выше существующих законов. Вместе с тем термины «тирания» и «деспотия» применяются к монархической форме правления, в то время как диктатура – это порождение республиканского строя, при котором власть осуществляется прямым директивным путем, сопровождается радикальными или репрессивными мерами, не сдерживается какими-либо общественными или политическими институтами, либо влияние последних на политику сведено к минимуму. Лидер воспринимается как сверхчеловек, люди слепо верят его высказываниям, безоговорочно выполняют его директивы, выказывают неизъяснимую эмоциональную преданность. Он преисполнен чувством миссии радикального изменения или особого предназначения спасти нацию и должен быть притягательным для масс. Во время ускоренных изменений люди больше склонны к состоянию культурной аномии, утрате ценностей, чувства социальной принадлежности, маргинализации. В подавляющем большинстве случаев диктатура базируется на личности лидера, поддержке силовых ведомств (прежде всего, армии), терроре, радикальных реформах в экономической сфере и опоре на народные массы, несмотря на попираемые принципы народовластия, с выделением необходимого в качестве опоры слоя населения. Его представители, испытывая вакуум идентичности, оказываются открытыми для влечения к лидерам, предлагающим радикальные идеологические альтернативы. Сложные события могут настроить людей к поиску утешения в вере в сильного лидера, способного контролировать мощные силы и гарантировать спасение и изменения.

Литература

1. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2016–2019. – Т. 4. – 2019. – 542 с.
2. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше; пер. с нем. – М.: Мысль. – 1996. – Т. 2. – 892 с.
3. Шмитт, К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт; пер. с нем.; под ред. Д.В. Кузницына. – СПб.: Наука, 2005. – 326 с.
4. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / И.А. Ильин; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга. – Т. 4. – 1994. – 624 с.
5. Шевелев, В.Н. Диктаторы и боги / В.Н. Шевелев. – Ростов на/Д.: Изд-во «Феникс», 1999. – 320 с.
6. Млечин, Л.М. Мои друзья-диктаторы / Л.М. Млечин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 590 с.
7. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон; пер. с фр.; пер.: Э.К. Пименов. – М.: АСТ, 2016. – 321 с.
8. Данилевская, О.В. Теория и практика харизматического лидерства. Опыт двадцатого века: дис. ... канд. полит. наук / О.В. Данилевская. – СПб., 1999. – 185 с.

Поступила в редакцию 20.04.2023